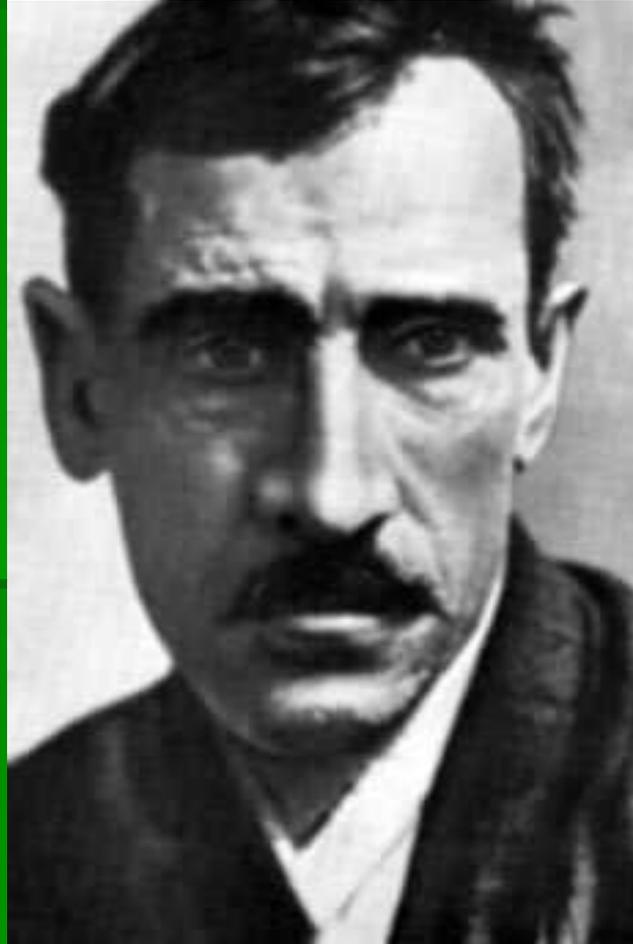
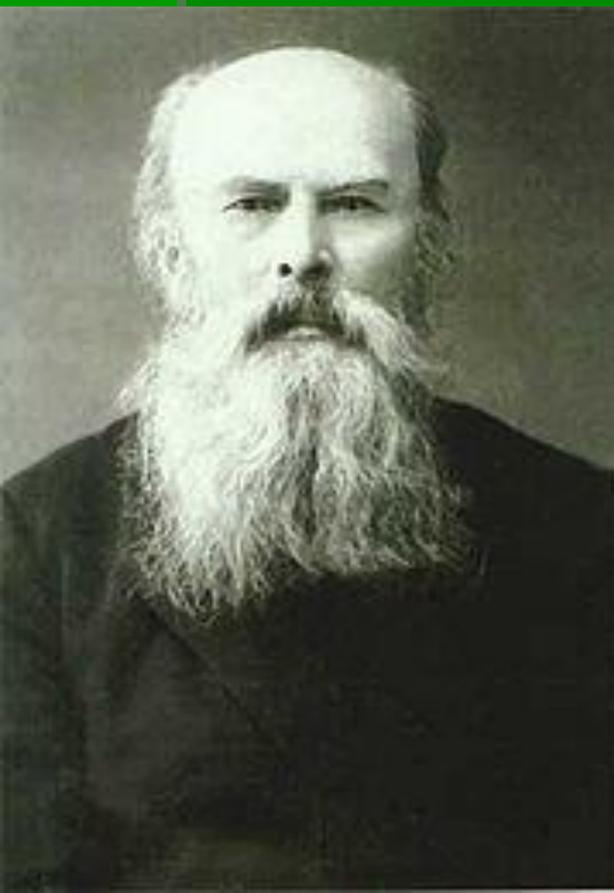

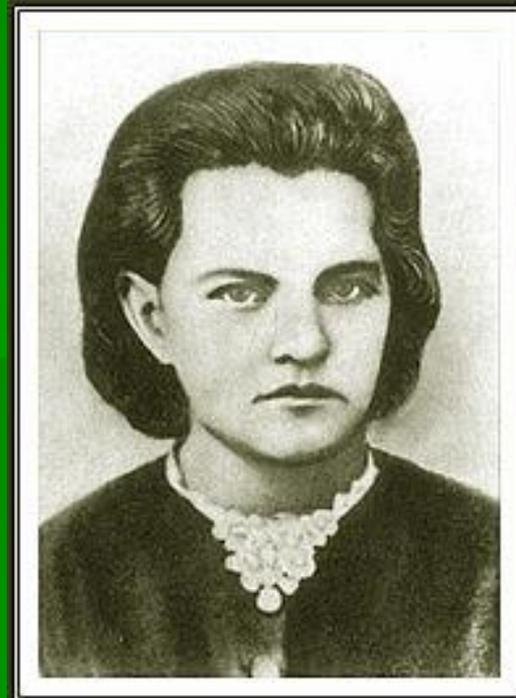
Александр Степанович Грин (1880-1932)

Ранние годы (отец и мать писателя)

- Александр Гриневский родился 11(23) августа 1880 года в городе Слободской Александр Гриневский родился 11(23) августа 1880 года в городе Слободской Вятской губернии Александр Гриневский родился 11(23) августа 1880 года в городе Слободской Вятской губернии. Отец — Стефан Гриневский (польск. *Stefan Hryniewski*, 1843—1914), польский шляхтич из Дисненского уезда, 1843—1914), польский шляхтич из Дисненского уезда Виленской губернии Северо-Западного края Российской империи, 1843—1914), польский шляхтич из Дисненского уезда Виленской губернии Северо-Западного края Российской империи, за участие в Январском восстании 1863 года, 1843—1914), польский шляхтич из Дисненского уезда Виленской губернии Северо-Западного края Российской империи, за участие в Январском восстании 1863 года был в 20-летнем возрасте сослан бессрочно в Колывань Томской губернии. Позже ему было разрешено переехать в Вятскую губернию. Позже ему было разрешено переехать в Вятскую губернию, куда он прибыл в 1868 году. Позже ему было разрешено переехать в Вятскую губернию, куда он прибыл в 1868 году[5]. В России его называли «*Степан Есеевич*». В 1873 году женился на 16-летней русской медсестре Анне Степановне Лепковой (1857—1895). Первые 7 лет детей у них не было, Александр стал первенцем, позднее у него появились брат Борис и две сестры, Антонина и Екатерина. Александр научился читать в 6 лет, первой его книгой стали «Путешествия Гулливера». В 1873 году женился на 16-летней русской медсестре Анне Степановне Лепковой (1857—1895). Первые 7 лет детей у них не было, Александр стал первенцем, позднее у него появились брат Борис и две сестры, Антонина и Екатерина. Александр научился читать в 6 лет, первой его книгой стали «Путешествия Гулливера». С детства Грин любил книги о мореплавателях и путешествиях. Мечтал уйти в море матросом и, движимый этой мечтой, делал попытки убежать из дома. Воспитание мальчика было непоследовательным — его то баловали, то строго наказывали, то бросали без присмотра. В 1889 году девятилетнего Александра отдали в подготовительный класс местного реального училища. Его соученики впервые дали Александру прозвище «Грин». В отчёте училища отмечалось, что поведение Александра Гриневского было хуже всех остальных, и в случае неисправления он может быть исключён из училища. Всё же Александр смог закончить подготовительный класс и поступить в первый, но во втором классе написал оскорбительное стихотворение об учителях и был исключён из училища. По ходатайству отца Александр в 1892 году был принят в другое училище, имевшее в Вятке дурную репутацию

Скитания и революционная деятельность (1896—1906)

В 1896 году по окончании четырёхклассного Вятского городского училища 16-летний Александр уехал в Одессу. В 1896 году по окончании четырёхклассного Вятского городского училища 16-летний Александр уехал в Одессу, решив стать моряком. Отец дал ему 25 рублей денег и адрес своего одесского друга. Некоторое время «шестнадцатилетний безусый тщедушный узкоплечий отрок в соломенной шляпе» (так иронически описал тогдашнего себя Грин в «Автобиографии») бродяжничал в безуспешных поисках работы и отчаянно голодал. В конце концов, он обратился к другу отца, который накормил его и устроил матросом на пароход «Платон», курсировавший по маршруту Одесса—Батум. В 1896 году по окончании четырёхклассного Вятского городского училища 16-летний Александр уехал в Одессу, решив стать моряком. Отец дал ему 25 рублей денег и адрес своего одесского друга. Некоторое время «шестнадцатилетний безусый тщедушный узкоплечий отрок в соломенной шляпе» (так иронически описал тогдашнего себя Грин в «Автобиографии») бродяжничал в безуспешных поисках работы и отчаянно голодал. В конце концов, он обратился к другу отца, который накормил его и устроил матросом на пароход «Платон», курсировавший по маршруту Одесса—Батум—Одесса. Впрочем, один раз Грину удалось побывать за границей, в Александррии. В 1896 году по окончании четырёхклассного Вятского городского училища 16-летний Александр уехал в Одессу, решив стать моряком. Отец дал ему 25 рублей денег и адрес своего одесского друга. Некоторое время «шестнадцатилетний безусый тщедушный узкоплечий отрок в соломенной шляпе» (так иронически описал тогдашнего себя Грин в «Автобиографии») бродяжничал в безуспешных поисках работы и отчаянно голодал. В конце концов, он обратился к другу отца, который накормил его и устроил матросом на пароход «Платон», курсировавший по маршруту Одесса—Батум—Одесса. Впрочем, один раз Грину удалось побывать за границей, в Александрии. Моряка из Грина не вышло, он испытывал отвращение к прозаическому матросскому труду, вскоре разругался с капитаном и оставил корабль. В 1897 году он отправился назад в Вятку, провёл там год и снова уехал на поиски счастья, на этот раз в Баку. Там перепробовал много профессий — был рыбаком, чернорабочим, работал в железнодорожных мастерских. Летом вернулся к отцу, затем снова ушёл в странствия. Был лесорубом, золотоискателем на Урале, шахтёром на железном руднике, театральным переписчиком. «В течение нескольких лет он пытался войти в жизнь, как в штормовое море, и каждый раз его, избитого о камни, выбрасывало на берег — в ненавистную, обывательскую Вятку, унылый, чопорный, глухой город»^[15]. В 1896 году по окончании четырёхклассного Вятского городского училища 16-летний Александр уехал в Одессу, решив стать моряком. Отец дал ему 25 рублей денег и адрес своего одесского друга. Некоторое время «шестнадцатилетний безусый тщедушный узкоплечий отрок в соломенной шляпе» (так иронически описал тогдашнего себя Грин в «Автобиографии») бродяжничал в безуспешных поисках работы и отчаянно голодал. В конце концов, он обратился к другу отца, который накормил его и устроил матросом на пароход «Платон», курсировавший по маршруту Одесса—Батум—Одесса. Впрочем, один раз Грину удалось побывать за границей, в Александрии.

Под запретом. Последние годы (1929—1932)

В 1927 году частный издатель Л. В. Вольфсон начал издавать 15-томное собрание сочинений Грина, но вышли только 8 томов, после чего Вольфсона арестовало ГПУ. НЭПу приходил конец. Попытки Грина настоять на выполнении контракта с издательством приводили только к огромным судебным издержкам и разорению. У Грина снова стали повторяться запои[55]. В 1927 году частный издатель Л. В. Вольфсон начал издавать 15-томное собрание сочинений Грина, но вышли только 8 томов, после чего Вольфсона арестовало ГПУ. НЭПу приходил конец. Попытки Грина настоять на выполнении контракта с издательством приводили только к огромным судебным издержкам и разорению. У Грина снова стали повторяться запои[55]. Однако в конце концов семье Грина всё же удалось выиграть процесс, отсудив семь тысяч рублей, которые, впрочем, сильно обесценила инфляция[56]. В 1927 году частный издатель Л. В. Вольфсон начал издавать 15-томное собрание сочинений Грина, но вышли только 8 томов, после чего Вольфсона арестовало ГПУ. НЭПу приходил конец. Попытки Грина настоять на выполнении контракта с издательством приводили только к огромным судебным издержкам и разорению. У Грина снова стали повторяться запои[55]. Однако в конце концов семье Грина всё же удалось выиграть процесс, отсудив семь тысяч рублей, которые, впрочем, сильно обесценила инфляция[56]. Квартиру в Феодосии пришлось продать. В 1930 году Гриневские переехали в город Старый Крым. В 1927 году частный издатель Л. В. Вольфсон начал издавать 15-томное собрание сочинений Грина, но вышли только 8 томов, после чего Вольфсона арестовало ГПУ. НЭПу приходил конец. Попытки Грина настоять на выполнении контракта с издательством приводили только к огромным судебным издержкам и разорению. У Грина снова стали повторяться запои[55]. Однако в конце концов семье Грина всё же удалось выиграть процесс, отсудив семь тысяч рублей, которые, впрочем, сильно обесценила инфляция[56]. Квартиру в Феодосии пришлось продать. В 1930 году Гриневские переехали в город Старый Крым, где жизнь была дешевле. С 1930 года советская цензура, с мотивировкой «вы не сливаетесь с эпохой»[57]. В 1927 году частный издатель Л. В. Вольфсон начал издавать 15-томное собрание сочинений Грина, но вышли только 8 томов, после чего Вольфсона арестовало ГПУ. НЭПу приходил конец. Попытки Грина настоять на выполнении контракта с издательством приводили только к огромным судебным издержкам и разорению. У Грина снова стали повторяться запои[55]. Однако в конце концов семье Грина всё же удалось выиграть процесс, отсудив семь тысяч рублей, которые, впрочем, сильно обесценила инфляция[56]. Квартиру в Феодосии пришлось продать. В 1930 году Гриневские переехали в город Старый Крым, где жизнь была дешевле. С 1930 года советская цензура, с мотивировкой «вы не сливаетесь с эпохой»[57], запретила переиздания Грина и ввела ограничение на новые книги: по одной в год[58]. В 1927 году частный издатель Л. В. Вольфсон начал издавать 15-томное собрание сочинений Грина, но вышли только 8 томов, после чего Вольфсона арестовало ГПУ. НЭПу приходил конец. Попытки Грина настоять на выполнении контракта с издательством приводили только к огромным судебным издержкам и разорению. У Грина снова стали повторяться запои[55]. Однако в конце концов семье Грина всё же удалось выиграть процесс, отсудив семь тысяч рублей, которые, впрочем, сильно обесценила инфляция[56]. Квартиру в Феодосии пришлось продать. В 1930 году Гриневские переехали в город Старый Крым, где жизнь была дешевле. С 1930 года советская цензура, с мотивировкой «вы не сливаетесь с эпохой»[57], запретила переиздания Грина и ввела ограничение на новые книги: по одной в год[58].

Возвращение Грина советским читателям

- [Нина Николаевна Грин](#) Нина Николаевна Грин, вдова писателя, продолжала жить в Старом Крыму, в [саманном](#) Нина Николаевна Грин, вдова писателя, продолжала жить в Старом Крыму, в саманном домике, работала медсестрой. Когда гитлеровская армия захватила Крым, Нина осталась с тяжело больной матерью на оккупированной нацистами территории, работала корректором местной газеты. Затем она была угнана на трудовые работы в Германию, в 1945 году добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР[68] Нина Николаевна Грин, вдова писателя, продолжала жить в Старом Крыму, в саманном домике, работала медсестрой. Когда гитлеровская армия захватила Крым, Нина осталась с тяжело больной матерью на оккупированной нацистами территории, работала корректором местной газеты. Затем она была угнана на трудовые работы в Германию, в 1945 году добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР[68]. После суда Нина получила десять лет лагерей за «коллорабационизм и измену Родине», с конфискацией имущества. Отбывала заключение в [сталинских лагерях](#) Нина Николаевна Грин, вдова писателя, продолжала жить в Старом Крыму, в саманном домике, работала медсестрой. Когда гитлеровская армия захватила Крым, Нина осталась с тяжело больной матерью на оккупированной нацистами территории, работала корректором местной газеты. Затем она была угнана на трудовые работы в Германию, в 1945 году добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР[68]. После суда Нина получила десять лет лагерей за «коллорабационизм и измену Родине», с конфискацией имущества. Отбывала заключение в сталинских лагерях на Печоре. Большую поддержку, в том числе вещами и продуктами, оказывала ей первая жена Грина, Вера Павловна. Нина отбыла почти весь свой срок и вышла на свободу в 1955 году по амнистии (реабилитирована в 1997 году). Вера Павловна умерла раньше, в 1951-м[68] Нина Николаевна Грин, вдова писателя, работала корректором местной газеты. Когда гитлеровская армия захватила Крым, Нина осталась с тяжело больной матерью на оккупированной нацистами территории, работала корректором местной газеты. Затем она была угнана на трудовые работы в Германию, в 1945 году добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР[68]. После суда Нина получила десять лет лагерей за «коллорабационизм и измену Родине», с конфискацией имущества. Отбывала заключение в сталинских лагерях на Печоре. Большую поддержку, в том числе вещами и продуктами, оказывала ей первая жена Грина, Вера Павловна. Нина отбыла почти весь свой срок и вышла на свободу в 1955 году по амнистии (реабилитирована в 1997 году). Вера Павловна умерла раньше, в 1951-м[68]. Между тем книги «советского романтика» Грина продолжали издаваться в СССР вплоть до 1944 года. В блокадном Ленинграде транслировались радиопередачи с чтением «Алых парусов» (1943), в Большом театре прошла премьера балета «Алые паруса»[69] Нина Николаевна Грин, вдова писателя, продолжала жить в Старом Крыму, в саманном домике, работала медсестрой. Когда гитлеровская армия захватила Крым, Нина осталась с тяжело больной матерью на оккупированной нацистами территории, работала корректором местной газеты. Затем она была угнана на трудовые работы в Германию, в 1945 году добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР[68]. После суда Нина получила десять лет лагерей за «коллорабационизм и измену Родине», с конфискацией имущества. Отбывала заключение в сталинских лагерях на Печоре. Большую поддержку, в том числе вещами и продуктами, оказывала ей первая жена Грина, Вера Павловна. Нина отбыла почти весь свой срок и вышла на свободу в 1955 году по амнистии (реабилитирована в 1997 году). Вера Павловна умерла раньше, в 1951-м[68]. Между тем книги «советского романтика» Грина продолжали издаваться в СССР вплоть до 1944 года. В блокадном Ленинграде транслировались радиопередачи с чтением «Алых парусов» (1943), в Большом театре прошла премьера балета «Алые паруса»[69]. В 1946 году вышла повесть Л. И. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» об Александре Грине, заслужившая похвалы К. Г. Паустовского и Б. С. Гриневского, а в дальнейшем — осуждение со стороны Н. Н. Грин. Однако в годы [борьбы с космополитизмом](#) Нина Николаевна Грин, вдова писателя, продолжала жить в Старом Крыму, в саманном домике, работала медсестрой. Когда гитлеровская армия захватила Крым, Нина осталась с тяжело больной матерью на оккупированной нацистами территории, работала корректором местной газеты. Затем она была угнана на трудовые работы в Германию, в 1945 году добровольно вернулась из американской зоны оккупации в СССР[68]. После суда Нина получила десять лет лагерей за «коллорабационизм и измену Родине», с конфискацией имущества. Отбывала заключение в сталинских лагерях на Печоре. Большую поддержку, в том числе вещами и продуктами, оказывала ей первая жена Грина, Вера Павловна. Нина отбыла почти весь свой срок и вышла на свободу в 1955 году по амнистии (реабилитирована в 1997 году). Вера Павловна умерла раньше, в 1951-м[68]. Между тем книги «советского романтика» Грина продолжали издаваться в СССР вплоть до 1944 года. В блокадном Ленинграде транслировались радиопередачи с чтением «Алых парусов» (1943), в Большом театре прошла премьера балета «Алые паруса»[69].

Художественные и идейные особенности прозы Грина

- Грин открыто дидактичен Грин открыто дидактичен, то есть его произведения основаны на ясной системе ценностей и предлагают читателю принять и разделить с автором эти идеалы[73] Грин открыто дидактичен, то есть его произведения основаны на ясной системе ценностей и предлагают читателю принять и разделить с автором эти идеалы[73]. Общеизвестно, что Грин — романтик, «рыцарь мечты»[74] Грин открыто дидактичен, то есть его произведения основаны на ясной системе ценностей и предлагают читателю принять и разделить с автором эти идеалы[73]. Общеизвестно, что Грин — романтик, «рыцарь мечты»[74]. Мечту Грин понимает как стремление духовно богатого человека к высшим, истинно человеческим ценностям, противопоставляя их бездушию, жадности и животным удовольствиям. Трудный выбор между этими двумя путями и последствия сделанного выбора — одна из важных тем у Грина. Его цель — показать, как органичны для человека добро и мечта, любовь и сострадание, и как разрушительны зло, жестокость, отчуждение[75] Грин открыто дидактичен, то есть его произведения основаны на ясной системе ценностей и предлагают читателю принять и разделить с автором эти идеалы[73]. Общеизвестно, что Грин — романтик, «рыцарь мечты»[74]. Мечту Грин понимает как стремление духовно богатого человека к высшим, истинно человеческим ценностям, противопоставляя их бездушию, жадности и животным удовольствиям. Трудный выбор между этими двумя путями и последствия сделанного выбора — одна из важных тем у Грина. Его цель — показать, как органичны для человека добро и мечта, любовь и сострадание, и как разрушительны зло, жестокость, отчуждение[75]. Критик Ирина Васюченко Грин открыто дидактичен, то есть его произведения основаны на ясной системе ценностей и предлагают читателю принять и разделить с автором эти идеалы[73]. Общеизвестно, что Грин — романтик, «рыцарь мечты»[74]. Мечту Грин понимает как стремление духовно богатого человека к высшим, истинно человеческим ценностям, противопоставляя их бездушию, жадности и животным удовольствиям. Трудный выбор между этими двумя путями и последствия сделанного выбора — одна из важных тем у Грина. Его цель — показать, как органичны для человека добро и мечта, любовь и сострадание, и как разрушительны зло, жестокость, отчуждение[75]. Критик Ирина Васюченко отмечает редкостную прозрачность и чистоту нравственной атмосферы, свойственной прозе Грина. «Автор больше чем верит в могущество добрых начал жизни — он его знает»[76] Грин открыто дидактичен, то есть его произведения основаны на ясной системе ценностей и предлагают читателю принять и разделить с автором эти идеалы[73]. Общеизвестно, что Грин — романтик, «рыцарь мечты»[74]. Мечту Грин понимает как стремление духовно богатого человека к высшим, истинно человеческим ценностям, противопоставляя их бездушию, жадности и животным удовольствиям. Трудный выбор между этими двумя путями и последствия сделанного выбора — одна из важных тем у Грина. Его цель — показать, как органичны для человека добро и мечта, любовь и сострадание, и как разрушительны зло, жестокость, отчуждение[75]. Критик Ирина Васюченко отмечает редкостную прозрачность и чистоту нравственной атмосферы

Грин-стихотворец

- **Александр Грин**

- Из стихотворения

- **«Спор»**

- Аэростат летел над полем смерти.
Два мудреца в корзине спор вели.
Один сказал: «Вззовёмся к синей тверди!
Прочь от земли!
Земля безумна; мир её кровавый
Неукротим, извечен и тяжёл.
Пусть тешится кровавою забавой,
Сломав ограду, подъярёмный вол!
Там, в облаках, не будет нам тревоги,
Прекрасен мрамор их воздушных форм.
Прекрасен блеск, и сами мы, как боги,
Вдохнем благой нирваны хлороформ.
Открыть ли клапан?» «Нет! — второй ответил. —
Я слышу гул сраженья под собой...
Движенья войск ужель ты не приметил?
Они ползут как муравьиный рой;
Квадраты их, трапеции и ромбы
Здесь, с высоты, изысканно смешны...
О, царь земли! Как ты достоин бомбы,
Железной фурии войны!
Ужель века неимоверных болей,
Страданий, мудрости к тому лишь привели,
Чтоб ты, влекомый чуждой волей,
Лежал, раздавленный, в пыли?!
Нет, — спустимся.
Картина гнусной свалки,
Вблизи наблюдаемая, покажет вновь и вновь,
Что человечеству потребны палки,
А не любовь».

Место Александра Грина в литературе

- Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю [Эдгаром По](#) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, [Эрнстом Гофманом](#) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, Эрнстом Гофманом, [Робертом Стивенсоном](#) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, Эрнстом Гофманом, Робертом Стивенсоном, [Брет Гартом](#) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, Эрнстом Гофманом, Робертом Стивенсоном, Брет Гартом и другими — но каждый раз выяснялось, что сходство это поверхностно и ограничено. «Он вроде бы и классик советской литературы, а вместе с тем не совсем: он в одиночестве, вне обоймы, вне ряда, вне литературной преемственности». Даже жанр его произведений определить трудно. Иногда книги Грина относят к [фантастике](#) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, Эрнстом Гофманом, Робертом Стивенсоном, Брет Гартом и другими — но каждый раз выяснялось, что сходство это поверхностно и ограничено. «Он вроде бы и классик советской литературы, а вместе с тем не совсем: он в одиночестве, вне обоймы, вне ряда, вне литературной преемственности». Даже жанр его произведений определить трудно. Иногда книги Грина относят к фантастике (или [фэнтези](#)) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, Эрнстом Гофманом, Робертом Стивенсоном, Брет Гартом и другими — но каждый раз выяснялось, что сходство это поверхностно и ограничено. «Он вроде бы и классик советской литературы, а вместе с тем не совсем: он в одиночестве, вне обоймы, вне ряда, вне литературной преемственности». Даже жанр его произведений определить трудно. Иногда книги Грина относят к фантастике (или фэнтези), но сам он против этого протестовал. [Юрий Олеша](#) Александр Грин занимает в русской и мировой литературе совершенно особое место. У него не было ни предшественников, ни прямых продолжателей. Критики пытались сравнивать его с близкими по стилю Эдгаром По, Эрнстом Гофманом, Робертом Стивенсоном, Брет Гартом и другими — но каждый раз выяснялось, что сходство это поверхностно и ограничено. «Он вроде бы и классик советской литературы, а вместе с тем не совсем: он в одиночестве, вне обоймы, вне ряда, вне литературной преемственности».

Религиозные взгляды

- Александр Грин был крещён по православному обряду, хотя его отец был в тот момент ещё католиком (он принял православие, когда Александру исполнилось 11 лет)[94]. Александр Грин был крещён по православному обряду, хотя его отец был в тот момент ещё католиком (он принял православие, когда Александру исполнилось 11 лет)[94]. Некоторые эпизоды его ранней жизни, описанные в «Автобиографической повести», трактуются как показатель того, что в молодости Грин был далёк от религии[95]. Александр Грин был крещён по православному обряду, хотя его отец был в тот момент ещё католиком (он принял православие, когда Александру исполнилось 11 лет)[94]. Некоторые эпизоды его ранней жизни, описанные в «Автобиографической повести», трактуются как показатель того, что в молодости Грин был далёк от религии[95]. Позднее религиозные взгляды Грина стали меняться. В романе «Блистающий мир» Александр Грин был крещён по православному обряду, хотя его отец был в тот момент ещё католиком (он принял православие, когда Александру исполнилось 11 лет)[94]. Некоторые эпизоды его ранней жизни, описанные в «Автобиографической повести», трактуются как показатель того, что в молодости Грин был далёк от религии[95]. Позднее религиозные взгляды Грина стали меняться. В романе «Блистающий мир» (1921) содержится обширная и яркая сцена, которую впоследствии по требованию советской цензуры вырезали: Руна заходит в деревенскую церковь, становится на колени перед нарисованной «святой девушкой из Назарета», рядом с которой «задумчивые глаза маленького Христа смотрели на далёкую судьбу мира». Руна просит Бога укрепить её веру, и в ответ видит, как на картине появляется Друд и присоединяется к Христу и Мадонне[96]. Александр Грин был крещён по православному обряду, хотя его отец был в тот момент ещё католиком (он принял православие, когда Александру исполнилось 11 лет)[94]. Некоторые эпизоды его ранней жизни, описанные в «Автобиографической повести», трактуются как показатель того, что в молодости Грин был далёк от религии[95]. Позднее религиозные взгляды Грина стали меняться. В романе «Блистающий мир» (1921) содержится обширная и яркая сцена, которую впоследствии по требованию советской цензуры вырезали: Руна заходит в деревенскую церковь, становится на колени перед нарисованной «святой девушкой из Назарета», рядом с которой «задумчивые глаза маленького Христа смотрели на далёкую

Послевоенная критика

- Свободное обсуждение творчества Грина было прервано в конце сороковых годов в пору идеологической борьбы с представителями так называемого космополитизма. Выполняя установки новой программы ВКП(б) по ужесточению идеологического курса страны и за утверждение нового «советского патриотизма», советский писатель [В. М. Вахдаев](#) Свободное обсуждение творчества Грина было прервано в конце сороковых годов в пору идеологической борьбы с представителями так называемого космополитизма. Выполняя установки новой программы ВКП(б) по ужесточению идеологического курса страны и за утверждение нового «советского патриотизма», советский писатель В. М. Вахдаев в статье «Проповедник космополитизма» в журнале «[Новый мир](#)» Свободное обсуждение творчества Грина было прервано в конце сороковых годов в пору идеологической борьбы с представителями так называемого космополитизма. Выполняя установки новой программы ВКП(б) по ужесточению идеологического курса страны и за утверждение нового «советского патриотизма», советский писатель В. М. Вахдаев в статье «Проповедник космополитизма» в журнале «Новый мир» (1950) обратился к творчеству Александра Грина. Вся статья Вахдаева — это открытый и недвусмысленный призыв к борьбе с космополитизмом, который воплощал собой, по утверждению Вахдаева, А. С. Грин: «В этой связи нелишне приглядеться к своеобразному культу Александра Грина, третьестепенного писателя, автора „фантастических“ романов и новелл, писателя, которого в течение многих лет упорно воспевала эстетическая критика». В. Вахдаев далее утверждал, что многочисленные поклонники А. Грина — Константин Паустовский, [Сергей Бобров](#) Свободное обсуждение творчества Грина было прервано в конце сороковых годов в пору идеологической борьбы с представителями так называемого космополитизма. Выполняя установки новой программы ВКП(б) по ужесточению идеологического курса страны и за утверждение нового «советского патриотизма», советский писатель В. М. Вахдаев в статье «Проповедник космополитизма» в журнале «Новый мир» (1950) обратился к творчеству Александра Грина. Вся статья Вахдаева — это открытый и недвусмысленный призыв к борьбе с космополитизмом, который воплощал собой, по утверждению Вахдаева, А. С. Грин: «В этой связи нелишне приглядеться к своеобразному культу Александра Грина, третьестепенного писателя, автора „фантастических“ романов и новелл, писателя, которого в течение многих лет упорно воспевала эстетическая критика». В. Вахдаев далее утверждал, что многочисленные поклонники А. Грина — Константин Паустовский, Сергей Бобров, [Борис Аннибал](#) Свободное обсуждение творчества Грина было прервано в конце сороковых годов в пору идеологической борьбы с представителями так называемого космополитизма. Выполняя установки новой программы ВКП(б) по ужесточению идеологического курса страны и за утверждение нового «советского патриотизма», советский писатель В. М. Вахдаев в статье «Проповедник космополитизма» в журнале «Новый мир» (1950) обратился к творчеству Александра Грина. Вся статья Вахдаева — это открытый и недвусмысленный призыв к борьбе с космополитизмом, который воплощал собой, по утверждению Вахдаева, А. С. Грин: «В этой связи нелишне приглядеться к своеобразному культу Александра Грина, третьестепенного писателя, автора „фантастических“ романов и новелл, писателя, которого в течение многих лет упорно воспевала эстетическая критика». В. Вахдаев далее утверждал, что многочисленные поклонники А. Грина — Константин Паустовский, Сергей Бобров, Борис Аннибал, Мих. Слонимский, Л. Борисов и др. — преувеличивали сверх всякой меры творчество Грина в крупной явлении литературы. Более того, сталинский публицист усматривал в создании «Гринландии» некую политическую подоплёку. Апофеоз Вахдаева выразился в следующем утверждении: «А. Грин никогда не был безобидным „мечтателем“. Он был воинствующим реакционером и космополитом». «Мастерство художника неразрывно связано с его мировоззрением, определяется им; новаторство возможно лишь там, где наличествует смелая революционная мысль, глубокая идейность и преданность художника своей родине и народу». А творчество А. Грина, по мысли Вахдаева, не соответствовало требованиям революционного новаторства, поскольку Грин не любил своей родины, зато живописал и поэтизировал чуждый буржуазный мир^[11] Свободное обсуждение творчества Грина было прервано в конце сороковых годов в пору идеологической борьбы с представителями так называемого космополитизма. Выполняя установки новой программы ВКП(б) по ужесточению идеологического курса страны и за утверждение нового «советского патриотизма», советский писатель В. М. Вахдаев

Поздняя советская критика

- Писатель и критик [Владимир Амлинский](#) Писатель и критик Владимир Амлинский обратил внимание на своеобразное одиночество Грина в литературном мире Советского Союза. «В сегодняшнем литературном процессе он заметен, менее, чем кто-нибудь из Мастеров его масштаба, в сегодняшней критике (...) имя его упоминается вскользь». Анализируя творчество Грина в сопоставлении с творчеством в чём-то сходных с Грином [М. Булгакова](#) Писатель и критик Владимир Амлинский обратил внимание на своеобразное одиночество Грина в литературном мире Советского Союза. «В сегодняшнем литературном процессе он заметен, менее, чем кто-нибудь из Мастеров его масштаба, в сегодняшней критике (...) имя его упоминается вскользь». Анализируя творчество Грина в сопоставлении с творчеством в чём-то сходных с Грином [М. Булгакова](#), [А. Платонова](#), К. Паустовского, Амлинский делает следующий вывод: «Неудача Грина заключается в необычайной сгущённости романтизма, которая дала обратный эффект, особенно в ранних рассказах». Вадим Ковский считает, что «проза Грина нередко провоцирует „поверхностный энтузиазм“ (...) Однако чаще всего Грин попросту обводит нас вокруг пальца, скрывая под маской авантюрно-приключенческого жанра и безошибочностью эмоционального удара высокую художественную мысль, сложную концепцию личности, разветвлённую систему связей с окружающей действительностью». «Грину свойственно в высшей степени поэтическое, отличающееся всепроникающим лиризмом видение мира. „Познавательная часть“, материальная спецификация описания такому видению противопоказаны», — пишет он в книге «Романтический мир Александра Грина».

Постсоветская критика

- Критик [В. А. Ревич](#) Критик В. А. Ревич (1929—1997) в посмертно изданном очерке «Нереальная реальность» заявил, что обвинявшие Грина в «бегстве от действительности» были во многом правы — демонстративное игнорирование окружающих имперских или советских реалий было намеренным вызовом порокам этой действительности. Потому что Грин никогда не был отстранённым от жизни беллетристом, «его мир - мир воинствующего добра, добра и гармонии. В отличие от многих шумных и самонадеянных современников Грин читается сегодня ничуть не хуже, чем в момент первой публикации. Значит, в его условных сюжетах заключено нечто вечное»^[118] Критик В. А. Ревич (1929—1997) в посмертно изданном очерке «Нереальная реальность» заявил, что обвинявшие Грина в «бегстве от действительности» были во многом правы — демонстративное игнорирование окружающих имперских или советских реалий было намеренным вызовом порокам этой действительности. Потому что Грин никогда не был отстранённым от жизни беллетристом, «его мир - мир воинствующего добра, добра и гармонии. В отличие от многих шумных и самонадеянных современников Грин читается сегодня ничуть не хуже, чем в момент первой публикации. Значит, в его условных сюжетах заключено нечто вечное»^[118] Критик и писательница [Ирина Васюченко](#) Критик В. А. Ревич (1929—1997) в посмертно изданном очерке «Нереальная реальность» заявил, что обвинявшие Грина в «бегстве от действительности» были во многом правы — демонстративное игнорирование окружающих имперских или советских реалий было намеренным вызовом порокам этой действительности. Потому что Грин никогда не был отстранённым от жизни беллетристом, «его мир - мир воинствующего добра, добра и гармонии. В отличие от многих шумных и самонадеянных современников Грин читается сегодня ничуть не хуже, чем в момент первой публикации. Значит, в его условных сюжетах заключено нечто вечное»^[118] Критик и писательница Ирина Васюченко в монографии «Жизнь и творчество Александра Грина» пишет, что Грин имел не только многочисленных предшественников, но также и наследников. В их числе она указывает [Владимира Набокова](#) Критик В. А. Ревич (1929—1997) в посмертно изданном очерке «Нереальная реальность» заявил, что обвинявшие Грина в «бегстве от действительности» были во многом правы — демонстративное игнорирование окружающих имперских или советских реалий было намеренным вызовом порокам этой действительности. Потому что Грин никогда не был отстранённым от жизни беллетристом, «его мир - мир воинствующего добра, добра и гармонии. В отличие от многих шумных и самонадеянных современников Грин читается сегодня ничуть не хуже, чем в момент первой публикации. Значит, в его условных сюжетах заключено нечто вечное»^[118] Критик и писательница Ирина Васюченко в монографии «Жизнь и творчество Александра Грина» пишет, что Грин имел не только многочисленных предшественников, но также и наследников. В их числе она указывает Владимира Набокова. По её мнению, гриновская манера письма близка стилистике романа В. В. Набокова «[Приглашение на казнь](#)» Критик В. А. Ревич (1929—1997) в посмертно изданном очерке «Нереальная реальность» заявил, что обвинявшие Грина в «бегстве от действительности» были во многом правы — демонстративное игнорирование окружающих имперских или советских реалий было намеренным вызовом порокам этой действительности. Потому что Грин никогда не был отстранённым от жизни беллетристом, «его мир - мир воинствующего добра, добра и гармонии. В отличие от многих шумных и самонадеянных современников Грин читается сегодня ничуть не хуже, чем в момент первой публикации. Значит, в его условных сюжетах заключено нечто вечное»^[118] Критик и писательница Ирина Васюченко в монографии «Жизнь и творчество Александра Грина» пишет, что Грин имел не только многочисленных предшественников, но также и наследников. В их числе она указывает Владимира Набокова. По её мнению, гриновская манера письма близка стилистике романа В. В. Набокова «[Приглашение на казнь](#)». Васюченко утверждает также, что Грину удалось предвосхитить творческие искания Михаила Булгакова в романе «[Мастер и Маргарита](#)» Критик В. А. Ревич (1929—1997) в посмертно изданном очерке «Нереальная реальность» заявил, что обвинявшие Грина в «бегстве от действительности» были во многом правы — демонстративное игнорирование окружающих имперских или советских реалий было намеренным вызовом порокам этой действительности. Потому что Грин никогда не был отстранённым от жизни беллетристом, «его мир - мир воинствующего добра, добра и гармонии. В отличие от многих шумных и самонадеянных современников Грин читается сегодня ничуть не хуже, чем в момент первой публикации. Значит, в его условных сюжетах заключено нечто вечное»^[118]

Мемориальная доска на набережной Грина, д. 21, г. Киров

Александр Грин на почтовой марке Украины, 2005

Спасибо за внимание!!!